

Содержание

Предисловие

Евгений Водолазкин. Дар удивления.....7

Часть I

От хаоса к красоте.....12

Хаос, гармония и мир порядка.....13

Закон временный и вечный30

Есть ли в выборе свобода?.....56

Богословие красоты.....69

Зачем Бог сотворил мир.....114

Часть II

Человек и его опыт.....128

Дух и психика,
или Парадокс душевной стабильности.....129

О мистицизме
и мистическом опыте.....138

Пилигримы и туристы,
или Как попасть в авангард

Царствия Небесного.....158

Итак, кто я?.....180

Часть III

Бог и человечество.....218

Воплощение: зачем Бог стал человеком?.....219

«Прости, я пришел как попрошайка»:

что стоит за нашей молитвой.....244

О поклонении: кому и зачем.....265

Часть IV

Время жизни.....308

«Я всегда чувствовал, что победа есть».....309

«Не останется ничего, кроме истины».....334

Предисловие

Евгений Водолазкин

Дар удивления

В этой книге помещены беседы владыки Антония Сурожского, переведенные с английского и еще не публиковавшиеся на русском языке. Беседы обращены к светской аудитории и относятся в основном к 1970–1980-м годам, времени, когда проповеднический дар этого человека достиг расцвета и мощи. Сказанное не подразумевает один лишь богатый опыт произнесения коротких текстов — владение голосом, мимикой, жестами (хотя почему бы и не это тоже?). Речь идет о внутреннем горении пастыря, без которого проповедь невозможна.

Владыка Антоний принадлежит к числу тех, кого не нужно представлять: о нем знают если не все, то очень многие. Его выступления и статьи не нуждаются в пояснении или комментировании: доходя до предельных глубин, они предельно просто изложены. Строго говоря, для комментария нужно иметь еще и право: вряд ли

многие современники владыки признают его за собой. Слишком уж разные у нас с ним калибры. Лучшее, что, наверное, можно сделать, — это вспоминать о нем. Свидетельствовать по праву любви и благодарности.

Скажу о вещах для меня сугубо личных, но, мне кажется, хорошо отражающих исходившую от владыки Антония особую силу. Наша первая встреча связана с тем, что я с трепетом называю чудом. Прилетев в Лондон на какую-то конференцию, я пошел на воскресную службу в Успенский кафедральный собор. Попеременно звучали церковнославянский и английский, а сам собор прежде был англиканской церковью, построенной (сколько же тут всего соединилось!) в неороманском стиле. Православие здесь напоминало о вселенском своем характере и не желало иметь ничего общего с этнографическим музеем. Если бы идея музея реализовалась в этом отдельно взятом храме, то музей был бы английским: митрополит Антоний привел к православию многие сотни англичан. Я думал об этом, глядя на необычные — готические какие-то — лица прихожан. И это при том, что англичан не очень-то куда-то приведешь: редко они позволяют себя вести — такой народ.

Владыка попросил прощения, что во время богослужения сидит. Сказал: «Просто не могу

стоять». После службы выслушал всех, кто хотел к нему обратиться. Когда подошла моя очередь, я рассказал ему о своей беде: моя дочь тогда серьезно болела. Владыка принес бумажную иконку Богородицы и велел отвезти ей. В Германии, где мы тогда жили, была назначена правильная терапия, и дело пошло на поправку.

Скептик вежливо спросит: нельзя ли считать, что результат был связан с качеством немецкой медицины? Конечно, можно. Сотворение чуда предполагает разнообразные пути и инструменты. Не сомневаюсь, однако, что в отсутствие немецкой медицины владыка использовал бы какие-нибудь другие средства.

Спустя несколько лет мы, будучи в Лондоне, всей семьей пришли в Успенский храм поблагодарить митрополита Антония. Он взял меня за запястье — неожиданно энергично, почти жестко — и спросил: за что? Я рассказал. Он нас благословил тогда, и это стало для нас его прощальным благословением. Я не так чтобы очень эмоциональный человек (неофитская экзальтированность прошла много лет назад), но у меня возникло стойкое чувство, что я разговаривал со святым.

Впоследствии я ощущал его поддержку в моих литературных трудах. Работая над романом «Лавр», держал в уме одну его проповедь,

в которой шла речь о бывшем белом офицере, убившем по трагической случайности во время боя свою жену. Ему отпустили этот грех, но легче не становилось. И тогда владыка Антоний сказал этому человеку: «На исповеди вы просили прощения у Бога, но Бога вы не убивали. А пробовали ли вы просить прощения у своей жены?» Через некоторое время офицер пришел к владыке и сказал: «Я попросил у нее прощения. И мне стало легче».

В романе «Лавр» герой ведет бесконечный диалог с возлюбленной, погибшей по его вине. В «Авиаторе» убийца просит прощения у убитого, а в романе «Брисбен» герои продолжают беседовать с умершей приемной дочерью. Работая над этими текстами, я постоянно вспоминал и эту проповедь, и беседы покойного митрополита о болезни и смерти.

Он призывал не бояться смерти и не прятать ее в дальний угол нашего сознания. Рассматривать смерть как часть жизни. Со смертью оканчивается время, но не более того. Время (прошу прощения за невольный каламбур) — временно, а человек рождается для вечности. Сила бесед владыки была в том, что он не толковал мир с указкой в руке, не чувствовал себя спикером, что ли, горнего мира. Он открывал бытие, удивлялся ему вместе с теми, кто его

слушал. Это ведь чрезвычайно важно — с кем удивляться: с ребенком или со старцем. Удивление с владыкой Антонием было, что называется, высшего качества: старческую мудрость он соединял в себе со свежестью детского взгляда. Оттого повседневность казалась ему удивительной, а невероятное — закономерным. Попроси прощения у убитой — такое ведь может сказать только тот, кто живет по законам чуда.

Поначалу обычное обращение к епископу — «владыка» — казалось мне несоответствующим пастырю Антонию. Виделось тяжелым, как латы. А потом я как-то привык. В конце концов, тот, кто воюет со злом, должен быть хорошо экипирован. Кроме того, «владыка» перекликался в моем сознании с «властителем» (умов), каковым митрополит Антоний, конечно же, являлся. Умов и сердец.

Уходя, человек продолжается не только в вечности, но и во времени: живым остаются его дела, высказывания, книги. Становясь сущностью метафизической, ушедший продолжает свое присутствие на земле. Такая как бы репетиция бессмертия. Владыка Антоний уже не здесь, но мы продолжаем читать его проповеди — и плакать над ними, и улыбаться им. И удивляться, конечно же.

Часть I

От хаоса к красоте

Хаос, гармония и мир порядка*

Мы все время пытаемся привести в порядок мир, в котором живем. Век за веком сначала открываем для себя и анализируем составляющие этого мира, затем подчиняем их себе, а затем придаем им форму в соответствии со своими человеческими представлениями. Но даже беглое изучение истории показывает, что результаты этой деятельности, судя по всему, не способствуют установлению в мире полной гармонии. Многочисленные войны, глубокая человеческая тоска и трагичность человеческой судьбы, которые мы можем наблюдать, отнюдь не свидетельствуют в пользу нашей способности упорядочить мир.

Как знать — может быть, размышление о природе и значении хаоса поможет нам создать мир, который будет достоин себя,

* Беседа состоялась 18 февраля 1976 года, предположительно, в английском городке Барнард-Кастл (Barnard Castle). Перевод с англ. А. Дик под ред. Е. Майданович. Здесь и далее названия бесед даны редактором.

человека, Бога: создать град человеческий, который в конечном итоге может совпасть во времени и пространстве с градом Божиим. Думаю, в качестве девиза или эпиграфа в начале моей лекции можно привести слова Ницше, который сказал, что для того, чтобы родить звезду, нужно носить в себе хаос. Я бы хотел рассмотреть тему хаоса с разных сторон, поскольку размышлял над этим вопросом недостаточно, чтобы представить вам связную картину ощущений, которые рождает во мне эта тема.

Во-первых, существует два вида хаоса. Хаос может быть следствием распада чего-то гармоничного, красивого, упорядоченного. В таком случае хаос трагичен. Но есть и другой хаос, который предшествует порядку, гармонии и красоте. Он несет в себе множество возможностей, он живет ожиданием того, что родится из него, что придаст ему смысл. В первом случае хаос подобен разрушенному городу, мертвой цивилизации, блестящему уму на закате своей славы, изжившим себя отношениям — это конец, и он уже не может дать начало ничему новому. Во втором случае хаос полон предвкушения, надежды, из него может родиться все что угодно, хотя это не означает, что все заложенные в нем возможности обязательно будут реализованы. В качестве примера того, что я называю творческим

хаосом, таким, который способен родить звезду, можно взять начало Книги Бытия.

Творческое слово Божие из ничего породило хаос, а затем, следуя Божественным указаниям, этот хаос стал раскрываться от славы к славе. Возможно, вы замечали, что каждый этап этого процесса сопровождался характеристикой «хорошо». Кроме того, из написанного, судя по всему, следует, что полнота предыдущего дня, по сути, достигается вечером следующего дня. *И был вечер, и было утро* (Быт. 1: 5). Потому что это развитие предполагает не увеличение яркости физического света, а раскрытие возможностей, проливающее нематериальный свет на то, что есть тьма, открывающее, проявляющее то, что было сокрыто. В этом смысле весь процесс сотворения мира и всю последующую историю человечества можно представить как постепенное проявление, поступательное раскрытие скрытых возможностей. Это хаос, из которого что-то может родиться.

Наше отношение к хаосу нельзя назвать простым, с хаосом можно взаимодействовать по-разному. В нем есть своя притягательность, как есть притягательность в буре и во всех великих и трагических событиях жизни. Притягательными могут

быть смерть, страдания, война, землетрясение, гроза. Почему же они способны так манить нас? Не в том ли причина, что на мгновение мы сталкиваемся с чем-то великим, огромным — с чем-то, что заставляет нас перерасти себя и встать лицом к лицу с такими вещами, которые превосходят нашу мелкую обыденность?

Не знаю, помните ли вы два коротких рассказа Эдгара По, в которых он пытается выразить свое понимание красоты и искусства*. Он приводит два описания, чтобы показать, каким должно быть место, находящееся в полной гармонии с законами красоты и вкусами человека. Основная мысль, которую стремится донести По в этих рассказах: красивым может считаться только то, что сопоставимо с человеком по размеру. Чересчур маленькое пространство вызывает ощущение клаустрофобии: оно слишком мало, я не могу жить в этих узких, давящих рамках. А чересчур большое, напротив, слишком велико, слишком пугающе: я не могу с этим жить. Таково в некотором смысле и отношение человека, который отказался перерастать свое нынешнее состояние, который боится быть человеком, который не осознал, что, с одной стороны, человек подобен пылинке — крошечной, слабой, хрупкой,

* «Коттедж Лэндора» и «Поместье Арнгейм».

а с другой, если он обратится внутрь себя, то обнаружит, что целый мир — такой огромный, такой опасный, а иногда и такой трагичный — слишком мал для глубины и ширины его внутреннего «я». С чем бы он ни столкнулся в этом внешнем мире, сам он больше этого. Он может попытаться заполнить свою внутреннюю пустоту красотой, но увидев всю красоту, он все еще будет голоден; знанием — но и обретя все доступное ему знание, он останется голодным; любовью — но и познав всю человеческую любовь, он по-прежнему будет испытывать голод. Как выразился Майкл Рамзей еще в бытность архиепископом Кентерберийским, в человеке есть пустота в меру Бога — такая большая, такая глубокая, что заполнить ее может только Божественное, ничто другое. Пожалуй, это созвучно словам немецкого мистика Ангелуса Силезиуса: «Я так же велик, как Бог, Он так же мал, как я»*. Так же велик, как Бог, потому что ничто меньшее Бога не может нас наполнить, Он так же мал, как я, потому что таинственным образом Он может вместиться в такую бесконечно малую частицу созданной Им вселенной.

* Ангелус Силезиус. Херувимский Странник. Книга изречений в стихах, 1674. 1, 10. (Ich bin wie Gott, und Gott wie ich; Ich bin so groß als Gott, er ist als ich so klein; Er kann nicht über mich, ich unter ihm nicht sein.)